

ДИАЛОГ В ТРУДАХ М.М. БАХТИНА

Статья посвящена идее диалога в трудах великого русского философа XX века М.М. Бахтина. Диалог рассматривается как фактор детерминации личности и характеристика гуманитарного познания.

Ключевые слова: культура, личность, диалог, диалогизм, «я» и другой, методология гуманитарного познания.

В творчестве литературоведа, культуролога и философа Михаила Михайловича Бахтина две основополагающие проблемы: проблема культуры и проблема личности. Сопрягаются они через идею диалога. Идея диалога раскрывается через понятия: «полифония», «карнавал», «смех», «умирание-воскресение» и др. Мы рассмотрим диалогизм как фактор детерминации личности и характеристику гуманитарного познания.

Идея диалога пронизывает всю онтологию Бахтина. В книге «Проблемы поэтики Достоевского» содержится характерное высказывание: «быть – значит общаться диалогически» [7, с. 338]. Основные категории, описывающие конкретный поступок, – это «я-для-себя», «другой-для-меня» и «я-для-другого».

Философия диалога оказывается логически полной и завершенной: если в ранних произведениях – «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности» (начало 20-х годов XX века) – Бахтин дает феноменологию «я», в книге о Достоевском (конец 20-х годов XX века) – описание диалога «я» и «ты», то в поздних работах – в частности, в книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (30–40-е годы XX века) – представлена третья ступень: ситуация подчинения «я» другому, выражаясь словами Бахтина, «одержания» «я» другим [см.: 14, с. 84–85].

Говоря о диалоге культур, можно воспользоваться уточнениями последователя Бахтина В.С. Библера. Феномен культуры «пронизывает... все решающие события жизни и сознание людей нашего века» (имеется в виду XX век. – С.Б.) [12, с. 261], причем «культура есть там, где есть две (как минимум) культуры; ...самосознание культуры есть форма ее бытия на грани с иной культурой» [11, с. 85].

Здесь можно порассуждать о теоретических источниках диалогизма Бахтина. М.М. Бахтин – ученик по Петербургскому университету Александра Ивановича Введенского, последователя

И. Канта на русской почве. Проблема «я» и «другого» занимает Введенского с гносеологической точки зрения: как возможно преодолеть разрыв между субъектом и объектом познания. Введенский ставит эту проблему первоначально в психологической плоскости, а затем переходит в область этики. Введенский во «Введении в философию» (1890), в книге «О пределах и признаках одушевления» (1892) и других трудах приходит к выводу о невозможности адекватного познания чужой души. По его мнению, в сфере *разума* нельзя построить метафизику, но *нравственное чувство* говорит мне о существовании живых существ, подобных мне самому.

Отправляясь от него, следует конструировать метафизику. Этим призывом логически кончается система Введенского: «Началом для нашего мышления служит не Я, а Мы», «изолированный субъект есть метафизический призрак».

И это отправная точка ученика Введенского – Бахтина [см.: 14, с. 86–87].

Бахтин трактует взаимодействие «я» и «другого» прежде всего с этической и эстетической точек зрения. А это подчеркивает особое значение повседневности, обыденности, «прозы» мира и человеческой жизни. Не случайно американские исследователи творчества Бахтина С. Морсон и К. Эмерсон связывают его работы с термином «прозаики» культуры [20, с. 109] (в отличие от Библера, который определял позицию Бахтина как «поэтику» культуры).

Нужно отметить принципиальную разницу диалогизма Бахтина от других авторов, в творчестве которых тоже важное место занимает идея диалога. Так, у М. Бубера диалог, или общение «Я-Ты», – в отличие от «Я-Оно» – является характеристикой связи с Богом, или общения «в Боге». Для В.С. Библера – последователя Бахтина на русской почве – идея диалога представляет прежде всего диалог философских миров (философских парадигм), встретившихся «как бы впервые». То есть диалогизм

Бахтина отличает воистину всеобъемлющий характер.

Каковы свойства (характеристики) участников диалога с точки зрения Бахтина?

Это, во-первых, «внеаходимость», т. е. уникальность, неповторимость личностных позиций участников диалога, их обусловленность конкретным социокультурным контекстом.

Во-вторых, это отсутствие границ у культурных явлений. Бахтин пишет: «Не должно, однако, представлять себе область культуры как некое пространственное целое, имеющее границы, но имеющее и внутреннюю территорию. Внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее, систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни, как солнце отражается в каждой капле ее. Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» [2, с. 25].

В-третьих, это «не-алиби в бытии», т. е. сознательное ответственное действие-поступок в каждой диалогической позиции. В отношении культур как квазиличностей диалога это будет позиция неустанного интереса, вопрошания друг друга.

Н.К. Боневская приходит к выводу, что по сравнению с идеей всеединства, характерной для русской религиозной философии, где «я» и «другой», «я» и «мы» практически сливаются нераздельно, у Бахтина присутствует скорее протестантское чувство «другости» другого: «Православному человеку не присуще это чувство «другости» другого, столь заостренное у Бахтина, ставшее – в виде категории «внеаходимости» – основой его антропологии» [14, с. 91].

По мнению Бахтина, Другой существует до всякого «я». Бахтин пишет: «Я – единственный из себя исхожу, а всех других нахожу – в этом глубокая онтологическая событийная равнозначность» [9, с. 159]. Только в контексте другого (других) разворачивается целое моей жизни: «Целое моей жизни не имеет значимости в ценностном контексте моей жизни. События моего рождения, ценностного пребывания в мире и, наконец, моей смерти совершаются не во мне и не для меня. Эмоциональный вес моей жизни *в ее целом* не существует для меня самого» [1, с. 93].

Нужно отметить знаменательную переключку идей Бахтина из труда «Проблемы по-

этики Достоевского» (первое издание – 1929 года) с позднейшей работой Ж.-П. Сартра «Бытие и ничто». Так, Бахтин отмечает: «Сознание себя самого все время ощущает себя на фоне сознания о нем другого, «я для себя» на фоне «я для другого». Утверждение Сартра: «Мне необходим другой для того, чтобы я мог целиком охватить все структуры моего бытия. Для себя отсылает к Для-другого» [цит. по: 15, с. 295].

Здесь нужно поставить вопрос об отношении Бахтина к религии и Богу. Известно, что первая несохранившаяся рукопись автора периода Невельского кружка (конец 10-х – начало 20-х годов XX века) была посвящена проблемам теологии. В дальнейшем сам Бахтин всячески подчеркивал светский характер своего творчества, относил его к марксизму. Однако в трактовке Другого явно проступают черты религиозности мышления философа. Так, в «Авторе и герое эстетической деятельности» Бахтин пишет: «Вне бога, вне доверия к абсолютной другости невозможно самосознание и самовысказывание» [1, с. 126]. И далее: «Но этот момент другости ценностно трансцендентен самосознанию и *принципиально не гарантирован*, ибо *гарантия* низвела бы его до степени бытия-наличности... Нельзя жить и осознавать себя ни *в гарантии*, ни *в пустоте* (ценностной гарантии и пустоте), но только *в вере*» [там же].

Сопряженность «Я» и Другого дана в событии поступка. Только в ответственном поступании по отношению к Другому индивид становится личностью. Как писал позднее В.С. Библер, для личности культура выступает «как форма самодетерминации индивида в горизонте личности, форма самодетерминации нашей жизни, сознания, мышления...» [12, с. 289].

Свою первую дошедшую до нас работу «К философии поступка» Бахтин начинает с указания на принципиальное различие мира жизни и мира культуры.

Мир жизни характеризуется единственностью, неповторимостью, уникальностью бытия конкретного субъекта, а мир культуры – единством смыслового содержания. Преодолеть этот раскол можно только «едино-единственным» «бытием-событием», т. е. личностным поступком: «Только изнутри действительного поступка... есть подход и к единому единственному бытию в его конкретной действительности...» [8, с. 32].

Единственность «Я» и единственность Другого равнозначны. Все ценностные моменты жизни и культуры сконцентрированы вок-

руг трех архитектурных точек: «я-для-себя», «другой-для-меня», «я-для-другого».

Никто не может отказаться от своей единственности, «не-алиби в бытии», «ответственной причастности» в пользу Другого, так же как и никто не может отказаться при формировании личности, построении ценностно-оценочных высказываний от Другого.

Поступок оформляется и завершается в слове, которое может быть сообщено Другому. Как пишет Е.А. Богатырева, творчество Бахтина – «диалог между экзистенциально-персоналистским и структурно-лингвистическим устремлениями» [13, с. 57].

Таким образом, поступок оказывается «потенциальным текстом». Человек обнаруживает себя в ситуации «организованного разноречия» в духе романов Достоевского, перед необходимостью сказать «свое слово» [13, с. 54–56]. «Чужое слово», слово Другого «давит» на человека, и тогда остается один выход: непонимающее остранение и смех. Возникает проблема выбора языка из множества «чужих слов». Как писал Л.М. Гаспаров, «задача творчества – выложить свою мысль из чужих унаследованных слов» [цит. по: 13, с.55].

И здесь мы непосредственно переходим к проблемам гуманитарного познания. Хотелось бы поспорить с утверждением Н.К. Бонецкой о почти полном отсутствии гносеологических идей у Бахтина (так, в статье «М.М. Бахтин и традиции русской философии» она характеризует одну из ключевых черт его философствования как «этически-нравственный пафос при почти полном отсутствии установки на познание» [14, с. 84]). Да, конечно, у Бахтина нельзя найти развернутых трудов по гносеологии. Но ранние заметки «К философским основам гуманитарных наук», а также поздние заметки – конца 60-х – начала 70-х годов XX века – «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа», «К методологии гуманитарных наук» и др. дают основания для рассмотрения идеи диалога Бахтина – через понимание смысла текста («произведения») и творчество – как основы методологии гуманитарного познания.

Нижним пределом гуманитарного познания, по Бахтину, является познание вещи. Это как бы противоположность гуманитаристике: «чистая мертвая вещь, имеющая только внешность, существующая для другого и могущая быть раскрытой вся сплошь и до конца одно-

сторонним актом этого другого». Это только предмет практической заинтересованности. Второй предел – «мысль о Боге в присутствии Бога, диалог, вопрошание, молитва. Необходимость свободного самооткровения личности». Здесь важны тайна и ложь, а не ошибка. «Мертвая вещь в пределе не существует, это абстрактный элемент (условный); всякое целое (природа и все ее явления, отнесенные к целому) в какой-то мере лично». Двусторонний акт познания-проникновения сложен: в нем «активность познающего и активность открывающегося (диалогичность)» [см.: 4, с. 227–228].

Бахтин пишет о взаимодействии кругозора познающего и кругозора познаваемого, диалектике внешнего и внутреннего. В элементах выражения (тело, лицо, глаза и т. п.) «скрещиваются и сочетаются два сознания (я и другого), здесь я существую для другого и с помощью другого» [там же, с. 228].

Большой интерес представляет фрагмент «Человек у зеркала», посвященный проблемам самосознания. Он столь интересен, что мы позволим себе привести его почти полностью: «...Не я смотрю *изнутри* своими глазами на мир, а я смотрю на себя глазами мира, чужими глазами; я одержим другим. Здесь нет наивной цельности внешнего и внутреннего. Подсмотреть свой заочный образ. Наивность слияния себя и другого в зеркальном образе. Избыток другого. У меня нет точки зрения на себя извне, у меня нет подхода к своему собственному внутреннему образу. Из моих глаз глядят чужие глаза» [10].

Таким образом, «предмет гуманитарных наук – *выразительное и говорящее* бытие. Это бытие никогда не совпадает с самим собой и потому неисчерпаемо в своем смысле и значении... Оно свободно и потому не предоставляет никаких гарантий». Это «бытие выражения двусторонне: оно осуществляется только во взаимодействии двух сознаний (я и другого); взаимопроникновение с сохранением дистанции; это – поле встречи двух сознаний, зона их внутреннего контакта» [4, с. 228–229].

Здесь встает проблема интерпретации прошлого. С точки зрения Бахтина, его «смысловая, выразительная, говорящая сторона может быть изменена, ибо она незавершима и не совпадает сама с собой (она свободна)» [4, с. 229]. Бахтин пишет о том, что познание – «понимание прошлого в его незавершимости», говорит о «смирении познающего», «благоговении» [там же].

Проблему понимания он рассматривает как «видение *смысла*, но не феноменальное, а видение живого смысла переживания и выражения, видение внутренне осмысленного, так сказать, самоосмысленного явления», подчеркивая диалогичность понимания [там же, с. 229–230].

В работе «К философии поступка» Бахтин выступает с критикой теоретизма как рассуждений с абстрактной точки зрения, не связанной с конкретным субъектом-автором поступка. Только когда познание отталкивается от конкретного места субъекта, конкретного события бытия, удается преодолеть теоретизм.

Частичные истины диалогически сопрягаются, складываясь в диалогичность целостной истины. В этом позиция М.М. Бахтина созвучна взглядам философии и этики ненасилия (Л.Н. Толстой, М. Ганди, М.Л. Кинг и др.)

В работе 20-х годов XX века «Автор и герой в эстетической деятельности» Бахтин прослеживает путь эстетического видения мира. Это: 1) пространственная форма героя; 2) временное целое героя (проблема внутреннего человека – души); 3) смысловое целое героя; 4) проблема автора.

С его точки зрения, человек – «организующий формально-содержательный центр художественного видения, притом *данный человек* в его целостной наличности в мире». Существует принципиальное ценностное различие *я* и *другого*: вне этого различия невозможен никакой ценностно весомый поступок. «*Я* и *другой* суть основные *ценностные категории*, впервые делающие возможной какую бы то ни было *действительную оценку*». «Жить – значит занимать ценностную позицию в каждый момент бытия...» «Ценностным центром художественного видения, а следовательно, и героем произведения» может быть только другой, так как «только он может быть *существенно* оформлен и завершен...» [1, с. 162–163].

Таковы основные идеи методологии гуманитарного познания в ранних работах Бахтина. Теперь перейдем к его размышлениям начала 70-х годов XX века. В них большее внимание уделяется семиотическим и лингвистическим аспектам гносеологических проблем гуманитарного познания: вводится понятие «текст». Так, Бахтин замечает: «текст (письменный и устный) как первичная данность всех этих (гуманитарных. – С.Б.) дисциплин и вообще всего гуманитарно-филологического мышления», причем текст понимается широко. Автор пишет о «подразумева-

емом» тексте «как всяком сквозном знаковом комплексе». И тогда искусствоведение имеет дело с текстами (произведениями искусства) [6, с. 281]. Тем самым Бахтин идет в ногу и где-то предвосхищает положения структурализма.

Очень эвристична следующая идея Бахтина: «Гуманитарная мысль рождается как мысль о чужих мыслях, волеизъявлениях, манифестациях, выражениях, знаках, за которыми стоят проявляющие себя боги (откровение) или люди (законы властителей, заповеди предков, безыменные изречения и загадки и т. п.)», причем чуть дальше он добавляет, что эти чужие мысли, смыслы, значения оказываются «реализованными и данными исследователю только в виде *текста*» [6, с. 281–282].

Автор подчеркивает диалогический характер отношений между текстами и внутри текста. Их особый (не лингвистический) характер. Связь диалога и диалектики [6, с. 283]. Эти отношения Бахтин относит к металингвистике: диалогическим отношениям между высказываниями, пронизывающими также изнутри и отдельные высказывания (речевые произведения) [см.: 6, с. 293]. Можно провести параллель между понятием «металингвистика» у Бахтина и любимым выражением многих структуралистов и постструктуралистов – «интертекстуальность».

«Событие жизни текста, т. е. его подлинная сущность, всегда развивается *на рубеже двух сознаний, двух субъектов*» [6, с. 285]. Гуманитарное мышление рождается как диалог *текста* (предмет изучения и обдумывания) и *контекста* (вопрошающего, возражающего и т. п.), в котором реализуется познающая и оценивающая мысль ученого [там же]. Таким образом, гуманитарные дисциплины располагаются между двумя полюсами: язык жанра и истинно творческий текст исследователя («язык языков»). «Всякий истинно творческий текст всегда есть в какой-то мере свободное и не predetermined эмпирической необходимостью откровение личности», имеющее «внутреннюю необходимость», «внутреннюю логику свободного ядра текста» [там же].

Гуманитарные науки – это науки о человеке в его специфике. Увидеть и понять автора произведения – значит увидеть и понять другого, чужое сознание и его мир, т. е. другой субъект («Du»). При *объяснении* – только одно сознание, один субъект; при *понимании* – два сознания, два субъекта. Понимание всегда в какой-то мере диалогично [см.: 6, с. 289–290].

В действительном, реальном, конкретном понимании слиты в едином процессе следующие отдельные акты: «1. Психофизиологическое восприятие физического знака (слова, цвета, пространственной формы). 2. *Узнание* его (как знакомого или незнакомого). Понимание его повторимого (общего) *значения* в языке. 3. Понимание его *значения* в данном контексте (ближайшем и более далеком). 4. Активно-диалогическое понимание (спор-согласие). Включение в диалогический контекст. Оценочный момент в понимании и степень его глубины и универсальности» [3, с. 361].

Бахтин предупреждает против узкого понимания диалога как одной из композиционных форм речи. «Каждая реплика сама по себе монологична (предельно маленький монолог), а каждый монолог является репликой большого диалога» [6, с. 296]. Узко и понимание диалогизма как спора, полемики, пародии. «Это внешне наиболее очевидные, но грубые формы диалогизма» [6, с. 300]. К диалогическим формам относится доверие к чужому слову, благоговейное приятие (авторитетное слово), ученичество, поиски и вынуждение глубинного смысла, *согласие*, его бесконечные градации и оттенки, наслаивания смысла на смысл, голоса на голос, усиление путем слияния, сочетание многих голосов, дополняющее понимание, выход за пределы понимаемого и т. п. [там же]. В другом месте Бахтин добавляет: «*Согласие* – одна из важнейших форм диалогических отношений» [6, с. 304].

Бахтин подчеркивает, что слово, как и всякий знак, нельзя отдать одному говорящему. Оно межиндивидуально [6, с. 300]. Он акцентирует диалогизм нашего мышления о произведениях, теориях, высказываниях, вообще о людях [6, с. 299]. Понимание языка и понимание высказывания включает *ответность* [6, с. 301].

Автор подчеркивает место философии, которая «заканчивается там, где кончается точная научность и начинается инаучность». Этапы диалогического движения *понимания*: исходная точка – данный текст, движение назад – прошлые контексты, движение вперед – предвосхищение (и начало будущего контекста) [3, с. 364]. «Диалектика родилась из диалога, чтобы снова вернуться к диалогу на высшем уровне (диалогу *личностей*)». Мир при этом выступает как событие, а не как бытие в его готовности [там же].

Смысл образа или символа можно раскрыть только с помощью другого (изоморфного) образа или символа [3, с. 362].

Понимание – это превращение чужого в «свое-чужое» [3, с. 371]. «*Творческое понимание* не отказывается от себя, от своего места во времени, от своей культуры и ничего не забывает. Великое дело для понимания – это *внеаходимость* понимающего – во времени, в пространстве, в культуре – по отношению к тому, что он хочет творчески понять» [5, с. 334].

Американский литературный критик, представитель деконструктивизма Поль де Ман в своей статье «Диалог и диалогизм», посвященной творчеству Бахтина прослеживает историю становления понятия «диалогизм». Оно многозначно. В работах Бахтина, понятие диалогизма разработано систематически не только в диалектическом споре с преследующей властью монологических дискурсов, как в «Слове о романе» (написано в 1934–1935 годах) или в книге о Рабле, но также и в продолжительной и сложной дискуссии с формализмом. В книгах, изданных под псевдонимами, – в «Марксизме и философии языка» (опубликована в 1929 г. под именем В.Н. Волошинова) и в «Формальном методе в литературоведении» (опубликована в 1928 г. под именем П.Н. Медведева) – «диалогизм» понимается как такой формальный метод, с помощью которого может быть побежден или ослаблен сам формализм [см.: 19, с. 195]. С другой стороны, во всех исследованиях Бахтина, особенно в книге о Достоевском, диалогизм функционирует как принцип радикальной дружости, или *внеаходимости*, по Бахтину. «Диалогизм», с этой точки зрения, делает формальное изучение литературных текстов важным, поскольку оно ведет от интралингвистических к интракультурным отношениям [см.: там же, с. 196].

Поль де Ман дает следующую оценку творчества Бахтина, исходя из понятия «внеаходимости»: «в более общей философской перспективе Бахтин не просто специалист по технике литературного дискурса, но мыслитель или метафизик, имя которого может быть поставлено вслед за Гуссерлем, Хайдеггером или... Левинасом. Радикальный опыт наделенной голосом дружости как путь к возвращенной близости – это и в самом деле доминирующая тема Левинаса, и по крайней мере подспудно она имеет место и у Хайдеггера. ...Насколько переход от дружости к признанию другого – переход, иначе говоря, от диалогизма к диалогу не остается у Бахтина только желанием, – это уже вопрос соответствующей критической интерпретации Бахтина» [19, с. 197].

Французская исследовательница, представительница постструктурализма, Юлия Кристева выделяет такие характеристики логики «диалогизма» Бахтина:

«1) логика *дистанцирования*, а также логика *отношений* между различными членами предложения или нарративной структуры, что предполагает *становление* – в противоположность уровню континуальности и субстанциальности, которые подчиняются логике «бытия» и могут быть обозначены как монологические; 2) логика *аналогии* и *неисключающей оппозиции* – в противоположность уровню каузальности и идентифицирующей детерминации, также монологическому; 3) логика «трансфинитности» (понятие, заимствованное нами у Кантора), которая, опираясь на представление о «мощности континуума» поэтического языка (0 – 2), вводит еще один формообразующий принцип, а именно: поэтическая последовательность «непосредственно превышает» (а не выводится каузальным путем) все предшествующие последовательности аристотелевского ряда (научного, монологического, нарративного)» [17, с. 223].

Приведем примеры действия «диалогической логики» Бахтина даже в тех культурологических трудах, которые в явной форме на нее не опираются.

Так, Л.Г. Ионин в книге «Социология культуры», рассматривая проблему культуры как философско-социологическую, пишет: «...Лишь знакомство с другими культурами, с многообразием культурной жизни человечества может привести к постановке проблемы культуры как таковой и к превращению собственной культуры в исследовательскую проблему» [16, с. 180, прим.].

В совершенно другой работе встречаем: «Образ Востока и отношение к нему формировались в специфических познавательных условиях... Самоидентификация самого Запада воз-

можна лишь в условиях *существования* Востока ...» [18, с. 8].

В поздних размышлениях Бахтин развивает идею ранних работ об открытости прошлого. Он формулирует проблему «*большого времени*» культуры, в которой произведения (в особенности – великие произведения) живут в веках более интенсивно и полно, чем в своем времени. Бахтин критикует идею Шпенглера о замкнутых и завершенных культурных мирах. По мнению Бахтина, единство определенной культуры – это *открытое* единство [см.: 5, с. 333].

Хочется в завершение наших рассуждений привести большую цитату из работы «К методологии гуманитарных наук»: «Нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту (он уходит в безграничное прошлое и в безграничное будущее). Даже *прошлые*, то есть рожденные в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершенными, конченными) – они всегда будут меняться (обновляясь) в процессе последующего, будущего развития диалога. В любой момент развития диалога существуют огромные, неограниченные массы забытых смыслов, но в определенные моменты дальнейшего развития диалога, по ходу его они снова вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде. Нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения. Проблема *большого времени*» [3, с. 373].

Подводя итоги, можно сказать, что диалогизм (диалогичность) – не только основная идея, но и важная характеристика творчества самого Бахтина.

Его труды – мостик между классической и постклассической философией, марксизмом и русской религиозной философией, структурализмом и антропологией экзистенциалистско-персоналистического направления.

18.10.2010

Список литературы:

1. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности / М.М.Бахтин // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 7-180.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М.Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975.– 502 с.
3. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 361-373.
4. Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 227-231.
5. Бахтин М.М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 328-335.
6. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа / М.М. Бахтин // Там же. – С. 281-307.
7. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М.: Советский писатель, 1963. – 363 с.
8. Бахтин М.М. Работы 1920-х годов / М.М. Бахтин. – Киев: Отчизна, 1994. – 302 с.
9. Бахтин М.М. Философия поступка / М.М.Бахтин. – М.: Лабиринт – МП, 1996. – 183 с.
10. Бахтин М.М. «Человек у зеркала» / М.М.Бахтин // Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000.– С. 240.

11. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры / В.С. Библер. – М.: Прогресс, 1991. – 176 с.
12. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век / В.С. Библер. – М.: Политиздат, 1990. – 413 с.
13. Богатырева Е.А. М.М. Бахтин: этическая онтология и философия языка / Е.А. Богатырева // Вопросы философии. – 1993. – №1. – С. 51-58.
14. Бонетская Н.К. М.М. Бахтин и традиции русской философии / Н.К. Бонетская // Там же. – С. 83-93.
15. Иванов Вяч. Вс. Значение идей М.М. Бахтина для современной семиотики / Вяч. Вс. Иванов // М.М. Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. – Т. I. – СПб.: Российский Христианский Гуманитарный институт, 2001. – С. 266-311.
16. Ионин Л.Г. Социология культуры / Л.Г. Ионин. – М.: ЛОГОС, 1996. – 280 с.
17. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // М.М. Бахтин: pro et contra ... – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 213-243.
18. Любимов Ю.В. Образ Другого (Восток в европейской традиции). Ст. I / Ю.В. Любимов // Историческая психология и социология истории. – 2009. – №2. – С. 5-26.
19. Ман П., де. Диалог и диалогизм // Михаил Михайлович Бахтин / под ред. В.Л. Махлина. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 191-203.
20. Махлин В.Л. Бахтин и Запад (Опыт обзорной ориентации). Ст. I / В.Л. Махлин // Вопросы философии. – 1993. – №1. – С. 94-114.

Сведения об авторе: **Богуславская Софья Михайловна**, доцент кафедры культурологии Оренбургского государственного университета, кандидат философских наук, доцент 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, к. 2210, тел. (3532) 372574, e-mail: boguslav1@yandex.ru

UDC 008: 101.9: 165

Boguslavskaya S.M.

Orenburg state university, e-mail: boguslav1@yandex.ru

DIALOGUE IN WORKS OF M.M. BAKHTIN

The article is devoted to the idea of dialogue in works of the Great Russian philosopher of the twentieth century M.M. Bakhtin. Dialogue is considered as a factor of determination of a personality and characteristic of humanitarian perception.

Key words: culture, personality, dialogue, dialogism, «I» and the other, the methodology of humanitarian perception.

Bibliography:

1. Bakhtin M.M. The author and the hero in the aesthetic activity / M.M. Bakhtin // Bakhtin M.M. Aesthetics of the wordy creation. – М.: Iskusstvo, 1979. – P. 7-180.
2. Bakhtin M.M. The questions of literature and aesthetics / M.M. Bakhtin. – М.: Hudozhestvennaya literatura, 1975. – 502 с.
3. Bakhtin M.M. To the methodology of the humanities / M.M. Bakhtin // Bakhtin M.M. Aesthetics of the wordy creation. – М.: Iskusstvo, 1979. – P. 361-373.
4. Bakhtin M.M. To the philosophical bases of the humanities / M.M. Bakhtin // Bakhtin M.M. The author and the hero. To the philosophical bases of the humanities. – СПб.: Azbuka, 2000. – P. 227-231.
5. Bakhtin M.M. The answer on the question of the editorial staff of «Noviy mir» / M.M. Bakhtin // Bakhtin M.M. Aesthetics of the wordy creation. – М.: Iskusstvo, 1979. – P. 328-335.
6. Bakhtin M.M. The problem of text in linguistics, philology and other humanities. Experience of philosophical analysis / M.M. Bakhtin. – Ibid. – P. 281-307.
7. Bakhtin M.M. The problems of poetics of Dostoevskiy. – М.: Sovetskiy pisatel, 1963. – 363 p.
8. Bakhtin M.M. The works of 1920-th years / M.M. Bakhtin. – Kiev: Otctizna, 1994. – 302 p.
9. Bakhtin M.M. The philosophy of action / Bakhtin M.M. – М.: Labirint – MP, 1996. – 183 p.
10. Bakhtin M.M. «Person at a mirror» / M.M. Bakhtin // Bakhtin M.M. The author and the hero. To the philosophical bases of the humanities. – СПб.: Azbuka, 2000. – P. 240.
11. Bibler V.S. Mikhail Mikhailovich Bakhtin, or The poetics of culture / V.S. Bibler. – М.: Progress, 1991. – 176 p.
12. Bibler V.S. From the science's studies – to the logic of culture: Two philosophical introductions into XXI century / V.S. Bibler. – М.: Politizdat, 1990. – 413 p.
13. Bogatireva E.A. M.M. Bakhtin: the ethical ontology and the philosophy of language / E.A. Bogatireva // The questions of philosophy. – 1993. – №1. – P. 51-58.
14. Bonetzskaya N.K. M.M. Bakhtin and the traditions of Russian philosophy / N.K. Bonetzskaya // Ibid. – P. 83-93.
15. Ivanov Vyach. Vs. The meaning of M.M. Bakhtin's ideas for modern semiotics / / Vyach. Vs. Ivanov // M.M. Bakhtin: pro et contra. The person and works of M.M. Bakhtin in the estimation of Russian and world humanities. – V.I. – СПб.: Russian Christian Humanitarian Institute, 2001. – P. 266-311.
16. Ionin L.G. The sociology of culture / L.G. Ionin. – М.: LOGOS, 1996. – 280 p.
17. Cristeva Yu. Bakhtin, word, dialogue and novel / Yu. Cristeva // M.M. Bakhtin: pro et contra... – СПб.: RCHI, 2001. – P. 213-243.
18. Lyubimov Yu.V. The image of Other (East in European tradition). Art. I / Yu.V. Lyubimov // Historical psychology and sociology of history. – 2009. – №2. – P. 5-26.
19. Man P., de. Dialogue and dialogism // Mikhail Mikhailovich Bakhtin / ed. By V.L. Makhlin. – М.: ROSSPAN, 2010. – P. 191-203.
20. Makhlin V.L. Bakhtin and West (The experience of survey's orientation). Art. I / V.L. Makhlin // The questions of philosophy. – 1993. – №1. – P. 94-114.